

О.В. Мальцева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: olymals@gmail.com

Параметры этничности в личных и семейных историях нанайцев (1990-е – начало 2000-х годов)

Данная работа построена на результатах полевых исследований, проведенных с 1990 по 2014 г. на территории Хабаровского края в среде горинских, амурских и кур-урмийских нанайцев. Большая часть опубликованного в тексте материала – это воспоминания респондентов о родителях и детстве, рассуждения о прошлом и изменениях в обществе, воспроизведенные ими в ходе интервьюирования. Реконструированная по рассказам картина позволяет выделить основополагающие принципы позиционирования и дифференцирования нанайцами своего окружения во временном диапазоне и поколенческой памяти. С привязкой к семейным историям некоторые информанты отмечали, что изначально разделение их общества и восприятие соседей происходило по территориальным, языковым, хозяйственно-культурным параметрам. За каждым представителем из «других» был закреплен определенный ассоциативный образ, связанный, прежде всего, с его родом деятельности и принадлежностью к кругу родственников или соседей. Такими большими группами, которые получили свои оценки у старожил, стали эвенки (в качестве «оленных людей»), маньчжуры и китайцы (как «родственники» и «огородники»). В этой классификации окружения образ русских увязывался с такими элементами сельскохозяйственной деятельности, как хлеб, молоко, коровы, а позже с такими новациями, как деревянные дома с печным отоплением, уличная планировка поселений, колхозная одежда, возникшими в ходе модернизации. С 1990-х гг. в нанайском обществе начала проявляться и другая тенденция, связанная с обращением к культурным ценностям дореволюционного времени, что отразилось и на семейных историях. Представители нанайской интеллигенции рассказы своих родителей вплетали в канву исторических событий с включением в них упоминаний о древних народах. Эти нарративы вышли за пределы семейного круга и полем их распространения стали просветительская и культурно-досуговая сферы.

Ключевые слова: нанайцы, нарратив, идентификация, этничность, поколения, историческая память, маньчжуры, китайцы, русские.

O.V. Maltseva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: olymals@gmail.com

Ethnic Profiles in Personal and Family Histories of the Nanai People (1990s – Early 2000s)

The paper covers the data of the field studies carried out among the Gorin, Amur and Kur-Urmi Nanai peoples in the Khabarovsk Krai in 1990 through 2014. The paper presents the memories of the parents and childhood of the interviewees, their reflections on the past and changes in society. The picture reconstructed from the stories makes it possible to clarify how the Nanai people identified themselves and differentiated their surroundings over time and across generations. Looking back at family stories, some interviewees noted that the Amur people had initially used territorial, linguistic, economic and cultural signs to recognize insiders and outsiders. The “others” were assigned certain associative images primarily based on their activities and affiliation to relatives or neighbors. The Amur long-term residents stereotyped nearby peoples and regarded the Evenks as “deer people”, Manchurians and Chinese as “relatives” or “vegetable gardeners”. The image of Russians was superimposed on agricultural activity figuratively expressed in bread, milk, and cows, and later on features of modernization, such as wooden houses with stove heating, new arrangements of settlements, and “kolkhoz” uniforms. Since the 1990s, there has been a trend in the Nanai society to return to the cultural values of the pre-revolutionary period, which is reflected in family histories. The Nanai intellectuals correlate their parents’ stories with the sequence of historical events including references to ancestors. These narratives go beyond family stories into the spheres of education, culture, and leisure.

Keywords: the Nanai people, narration, identification, ethnicity, generations, historical memory, Manchurians, Chinese, Russians.

Период 1990-х – начала 2000-х годов открыл новую страницу в истории и культуре коренного населения Дальнего Востока. Происходившие в этот период изменения по всем признакам можно назвать культурным ренессансом, когда актуализировалось дореволюционное наследие, включающее шаманские традиции, мифологию, вехи истории, которые в советскую эпоху чаще трактовались как пережитки прошлого и были лишены личностного толкования. Возросший интерес к «прежним временам и своим корням» аккумулировался в праздничных церемониях, художественных выставках, книжной продукции на национальных языках, музейных экспозициях, импровизациях традиционных ритуалов.

Интервьюирование нанайского населения, проводимое в это время на территории Хабаровского края, отчетливо показало, что в основе роста популярности этномаркирующих мероприятий лежало не просто увлечение прошлым, а попытка переосмыслить историю своей семьи, рода и посредством символических акций сделать ее зримой и более содержательной. На фоне этих событий большую значимость приобрели семейные реликвии и легенды [Рикёр, 1998, 2000]. Исходя из их содержания, вырисовывается не всегда вписывающаяся в официальную доктрину многомерная и сложная картина ассоциативных образов, связанных с групповыми принадлежностями. Некоторые информаторы в воссоздании портрета представителя своей общности ориентировались на воспоминания родителей. В этих нарративах краеугольным камнем выступает разделение окружения на «своих» и «других» с присвоением им определенных характеристик. Дифференцирование происходило по территориальным, хозяйственно-бытовым, физиогномически-поведенческим, языковым, событийным признакам. Часть материала включает не только рассказы информаторов о своем детстве и родителях, но и отдельные оценочные высказывания, рефлексии, фиксацию реакций на те или иные события, описание эмоциональных паттернов поведения во время трудовых операций или семейных ритуалов*.

На разных этапах полевой работы были отмечены изменения в оформлении семейных историй, что можно связать с поколенческими сдвигами. Важно подчеркнуть, что на воспроизведение эпизодов прошлого влияют такие факторы, как актив персональной памяти, ее избирательность и культурные установки, обуславливающие забывание или наоборот актуализацию тех или иных моментов жизни [Bruner, 1986]. Если в 1990-е гг. в числе представителей старшего поколения оказывались очевидцы начала колхозного

* Поскольку в повседневном общении нанайцев наблюдается языковая креолизация, т.е. смешение лексики и грамматики русского и нанайского языков, для транскрибирования и передачи смыслов сказанного был выбран русский язык.

строительства, ставшие одними из первых в овладении нанайской грамматикой, то в 2000-х гг. их большей частью сменили их образованные и всесторонне информированные дети. В попытках воссоздания собственных генеалогий они обращались к воспоминаниям родителей.

Здесь можно отметить несколько нюансов опосредования личной жизни, которые в среде нанайцев наблюдаются вплоть до настоящего времени. Большое влияние на структуру повествования оказали такие факторы, как табуирование имени, сохранение диалектных особенностей, интернатское воспитание. Часть информаторов в беседе признавалась, что по причине сохраняющегося запрета произносить настоящее имя, недопонимания речи старших членов семьи и не отложившиеся в их памяти родительские образы привносят в семейные истории белые пятна**. Так, в семейных хрониках старшего поколения нанайцев отсутствие ряда деталей, касающихся детства и родственных составов, восполняется информацией о прежних местах дислокации их сородичей. Признак территориальности красной нитью проходит практически во всех фамильных историях и лежит в основе разделения внутри нанайского общества. А.В. Смоляк в своих трудах отметила, что базовым (или первичным) критерием позиционирования у нанайцев являлось местоположение относительно водоема – участка реки, озера [1975, с. 49–51]. Представители амурских нанайцев в интервью подчеркивали, что для них действительно важным является восприятие себя относительно соседей, проживающих выше по течению реки и обозначаемых как *акани*. Эта особенность, выделяемая в самоидентификации всех рыболовецких сообществ, закрепились в распознавании своей группы как *хэдзэни/хэджэ* (проживающие внизу по реке). Подобным образом называли себя старожилы сел Нижние Халбы и Найхин, хотя относительно друг друга они находились ниже и выше по течению, и это указывает, что позиция «вниз по реке» стала приоритетной в самоидентификации, соответственно, группа *акани* относилась к «другим» (ПМА 2008, 2011. С. Нижние Халбы, Л.Н. Самар, 1946 г.р.; с. Найхин, Р.А. Бельды, 1946 г.р.). У жителей притоков и мелких водоемов в памяти закрепились самоназвания как *гэрэнку* (проживающие на р. Горин), у кур-урмийских нанайцев *донканы* и *удинканы* (освоившие «внутреннее» и «внешнее пространство» по течению реки) [Суник, 1958, с. 13–14] (ПМА 1997, 1998, 2014. С. Кондон, К.И. Дигор, 1915 г.р. и В.М. Самар, 1940 г.р.; с. Улика-Национальное, В.И. Удинкан, 1965 г.р.).

Районы исхода родовых и семейных групп также послужили маркерами в разделении не только внутри сообщества нанайцев, но и больших родовых объединений. Так, представители кланов Самар

** Особенно это явление наблюдалось в начале 1990-х гг.

и Бельды подчеркивали неоднородность своих крупных родов с выделением в них разных ветвей. На уровне фамильных историй различались Самары кондонские («*пришли на Горин через Маньчжурию*») и ямихтинские («*содержали раньше много оленей, пришли из Сибири*») (ПМА 1998. С. Кондон, Р.А. Самар, 1946 г.р.). Бельды рассматривали свой большой фамильный состав как объединение людей, не имеющих даже родства между собой. Представительница этого рода отмечала, что «*в него записывалось много людей, чтобы получать льготы от китайцев*», «*есть разные Бельды, они пришли из разных мест, и между ними можно даже совершать браки*»*. (ПМА 2011. С. Найхин, Р.А. Бельды).

Самым главным критерием обособления поселенцев на участках Нижнеамурской низменности и равнины стали их хозяйственные ориентации. У групп нанайского населения закрепившиеся за их окружением неофициальные названия соответствовали характеристикам и маркировкам «забрасывать невод и ловить рыбу», «держат оленей», «разводить огород» или просто «соседи». Опираясь на современную классификацию народов, прозвучавшую в беседах, «гилами» можно соотнести с нивхами, «каками» – с ульчами, «еко» – якутами, «яно/гено» – эвенками (ПМА 1990, 2011. С. Бельго, М.И. Галюк, 1919 г.р. и Е.М. Дигор, 1910 г.р.; С. Найхин, С.С. Бельды, 1933 г.р.).

Другие параметры идентификации, получившие отклик в ретроспективных рассказах коренных жителей, касаются родственных связей их предков. Сюжеты о породнении амурских рыбаков с оленеводами из Сибири лежат в основе фамильных преданий ямихтинских Самар и потомков рода Киле. «Оленные люди» упоминаются не только в эпизодах о том, как они держали оленей на оз. Болонь или оз. Эворон и потом их угоняли в сторону Якутии, но и в канве нарративов, связанных с похоронной обрядностью. С.С. Бельды, отмечая разнородный состав группы Бельды, рассказывала, что ее далекий предок из рода Килор «*по Амгуни спустился в поисках ягеля для оленей. Он поехал вверх по Амуру, здесь и остановился (в районе Найхина)*» (ПМА 2011, 1933 г.р.). Легендарный путь, пройденный на оленях, получил отклик в картине загробного существования представителей этого рода. Согласно их поверьям, душа умершего покидает этот мир на оленях. Они везут ее сложной, тернистой дорогой, которая проходит по старому маршруту предков, через преграды, горы, знакомые сородичам места (ПМА 2011. С.С. Бельды).

Отдельные и более насыщенные деталями сведения касаются маньчжуро-китайского присутствия в среде нанайского населения. Ряд приведенных историй выводит на первый план специфику в организации хозяйства, социальном порядке и поселенческой

структуре соседей из Китая. Особый акцент ставится на физиогномических отличиях маньчжур от китайцев и различиях в хозяйственных ориентациях между коренным и пришлым сообществами. Со слов С.С. Бельды, «*китайцы от маньчжур отличались внешне, языком. Маньчжуры выглядели как нанайцы только потемнее. У китайцев лица продолговатые, носы прямые*» (ПМА 2011. С. Найхин). Привнесенные этими двумя группами в амурскую среду занятия огородничеством и садоводством вначале вызывал отторжение у местного населения. Р.А. Бельды делилась воспоминаниями, что в с. Дада жило 7 маньчжурских семей, которые занимались овощеводством. Возможно, некоторые коренные жители переняли от них эти земледельческие навыки. «*Дед по материнской линии разводил овощи в с. Дада. Он был нанайцем. Его все ругали – картошку, помидоры, капусту, морковь, вкусные сливы выращивал. Не хотели, чтоб занимался*» (ПМА 2011. С. Найхин).

Другая информация раскрывает обстоятельства торговли, покупки невесты в Китае и миграции туда нанайцев, переселения китайцев и корейцев в Казахстан, установления родственных связей между потомственными рыбаками и восточноазиатскими торговцами, аграриями. При сборе биографических данных, некоторые информаторы указывали, что отец или дед у них были китайцами (ПМА 1990, 2008, 2011. С. Джари, Т.К. Ходжер, 1921 г.р.; с. Ниж. Халбы, Л.Н. Самар, 1940 г.р.; с. Сикачи-Алян, Е.И. Сулова (Мурзина), 1926 г.р. и Е.И. Актанко, 1931 г.р.).

В рамках исторической памяти представлен пласт воспоминаний об европейских поселенцах на берегах Амура. Это самая обширная серия нарративов, в которых отношение к лоча (т.е. русским) меняется от эпитетов «чужаки» до признания их «своими». Первоначальная причина разделения пришлого и коренного населения лежала в физиогномических различиях. «*Раньше наша мама боялась русских. Как увидит русских, домой уходит, потому что русских никогда не видели. Раньше наши юколу на зиму вешали на палочках, а русские отдельно вешали*» (ПМА 2008. С. Найхин, Ф.Н. Бельды, ~ 1930 г.р.). «*Первые русские, как плыли на баржах, от них убежали. Был языковой барьер. Носы большие, глаза огромные*» (ПМА 2011. С. Найхин, Р.А. Бельды). Интеграция приезжих в языковую среду амурских рыбаков с копированием их образа жизни способствовала возникновению доверительных отношений к ним со стороны местного населения. «*Село (Курун) было небольшое. В нем жили нанайцы и 2–3 семьи русских. Они жили как все, разговаривали по-нанайски*». «*Разницы не было (о с. Курун), что русские, что нанайцы, жили дружно. Семьи русских снабжали рыбой. Лечились с использованием русских икон, обращались к русским повитухам*» (ПМА 2008, 2011. С. Лидога, У.А. и Е.П. Одзял, ~ 1950 г.р.; В.Ч. Гейкер, 1925 г.р.). Также были налажены бартерные отношения с ново-

* Здесь и дальше приводятся выдержки из бесед с небольшим редактированием автора.

селами и заимствованы от них правила содержания скота: коренные жители в обмен на рыбу у них приобретали хлеб, молоко, учились ухаживать за коровами. Эти виды продуктов и занятие скотоводством получили прочную ассоциацию с новыми поселенцами (ПМА 2008, 2011. С. Сикачи-Алян, Е.И. Мурзина (Суслова), 1926 г.р.; с. Найхин, Р.А. Бельды; с. Дада, М.Г. Кимонко, ~ 1940 г.р.). Следующим признаком сближения выходцев из европейских районов и старожилов стала распространенная в 1930-х гг. и в послевоенное время традиция воспитания в нанайских семьях детей ссыльных и репрессированных. Примечательно, что, будучи чужеродцами, такие воспитанники становились полноправными преемниками амурских рыболовецких традиций. Они воспринимались как «свои» по критериям участия в коллективных рыбалках и умения изъясняться на нанайском языке. Личность Лидии Тимофеевны Киле известна широкому кругу нанайцев. Она была воспитана в шаманской семье, наряду со всеми «тянула сети на рыбалке», усвоила в совершенстве местные фразеологические обороты, что позволило ей стать одним из разработчиков литературного нанайского языка (ПМА 2011. С. Найхин, Р.А. и С.С. Бельды). Трансформационные явления, происходившие в местном обществе и прежде всего связанные с коллективизацией, школьным обучением, промышленным строительством, наделялись в сознании местного населения стереотипными чертами, приписываемыми к этнической группе русских. Появившийся целый ряд элементов быта и культуры, как кириллический алфавит, бревенчатые дома с печным отоплением, сельские дороги, колхозная одежда, относился к признакам русских.

«Старые люди на слух воспринимают, а читать не могут. Русские буквы совсем другие, там фонетика другая, согласные, гласные другие»... «Пошла в школу в 1936 г. Первый год учебы – иностранные буквы, нанайские слова. На следующий год – русские буквы и русские слова»... «1920–30 гг. был переломный момент. Когда начали строить дорогу, дед Кисо был против. Говорил, что все нанайцы обрусеют» ... «Одежда колхозной поры – русская» (ПМА 2008, 2011. Найхин, Г.И., Р.А. и А.К. Бельды, ~ 1950–1941 г.р.; с. Сикачи-Алян, Е.И. Мурзина (Суслова)).

В 1990-е гг. в среде нанайцев отчетливо стала проявляться тенденция включения в их семейные истории событий далекого прошлого с привязкой родовых линий к сообществам, давно ушедшим с исторической арены. Создателями таких нарративов стали представители нанайской интеллигенции, рожденные в 1940–50-е гг. и имеющие доступ к научным трудам, архивным записям, музейным фондам, что позволило им личностные воспоминания старожилов вписывать в исторические события. В этом случае можно отметить своеобразную реверсию, когда трансляция знаний и опыта осуществляется не от родителей (в 1930-х гг. приступивших к освое-

нию нанайской грамматики и вырванных из семей в результате интернатского воспитания) к их более образованным детям, а наоборот. В ряде генеалогических преданий выделяется пласт, связанный с эпохой чжурчженей, и передатчиками сведений о тех временах, как правило, выступали педагоги, работники сельских администраций и библиотек, деятели культуры и мастера художественного творчества. В их рассказах прошлое нанайцев вписывалось в героические страницы истории, и собственные предки отождествлялись с чжурчженями, которые под натиском Чингисхана вынуждены были из Приморья перебраться в низовья Амура (ПМА 1998, 2008, 2011. С. Кондон, Л.Ф. Самар, 1956 г.р.; с. Лидога, У.А. и Е.П. Одзьял, ~ 1950 г.р.; с. Найхин, С.С. Бельды; с. Джари, М.З. Бельды, ~ 1930 г.р.). Одним из таких сигналов, знаменующих наложение исторических фактов на традиционный комплекс представлений, стало вложение новых смыслов в некоторые акты похоронно-погребальной процедуры. Так, в ряде случаев облачение покойника привязывалось к социально-родовой организации чжурчженей* (ПМА 1990, 2008. С. Нижние Халбы, В.И. Гейкер, 1938 г.р.).

Память о прошлом оживала не только в различных устных текстах, воссоздаваемых во внутрисемейном общении и между респондентом и исследователем, но и приобрела форму культурной манифестации, когда услышанное от родителей рассказчик облакает в историческую канву и репрезентирует широкому кругу слушателей в формате публичных лекций, книжных изданий или культурных мероприятий. Таким образом, сказанное выходит за пределы устных семейных преданий и становится частью коллективной памяти, принадлежащей всем группам нанайцев. Одним из таких движений, объединивших практически всех нанайцев, стала акция «Дорога памяти», инициированная Министерством образования Хабаровского края. Ее цель заключалась в возобновлении связей между амурскими группами нанайцев и китайскими хэчжэ/хэджэ через взаимный обмен делегациями, состоявшими из местных деятелей культуры, почетных граждан, между с. Найхин и китайскими городами Далянь и Тунцзян. Согласно сведениям местных жителей, посетившие их гости по воспоминаниям своих родителей хорошо знали о местах на Амуре, откуда выбыли их предки в начале XX в. Перебравшись в северные районы Китая, они помнили о своих нанайских корнях и стремились сохранить прежний уклад, занимаясь рыболовством на реках Сунгари и Уссури (ПМА 2008, 2011. Найхин, Г.Л. и А.К. Бельды).

В итоге, можно констатировать, что на рубеже 1990 и 2000-х гг. на фоне социальных изменений, связанных с Перестройкой, проявившийся в нанайском

* Положенные в гроб 8 кусков ткани, столько же пар обуви и количество верхней одежды, якобы соответствовали числу могущественных чжурчженских родов.

сообществе интерес к своим семейным историям послужил толчком к развитию в его среде новых взглядов на природу этничности и своего культурного наследия. Повествования, в которых рассказчик выражал свое отношение к ближним и дальним соседям, осмысление своих корней и принадлежность к тому или иному обществу, нередко воспроизводили обстоятельства жизни и взгляды на мир его родителей. На основе этих репрезентаций можно выстроить эволюцию идентификации нанайцами себя и своего окружения – от распознавания «своих-чужих» по территориальным, языковым, хозяйственно-культурным признакам до формирования этнических профилей в рамках исторической памяти. Проводником новых параметров этничности выступила интеллектуальная прослойка нанайского общества. Базируясь на литературных источниках и архивных данных, она дополнила воспроизведенные в рассказах события историческими деталями с придачей им новых смыслов.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.».

Список литературы

Рикёр П. Время и рассказ. – М.; СПб.: Университетская книга, 1998. – Т. 1: Интрига и исторический рассказ. – 314 с.

Рикёр П. Время и рассказ. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – Т. 2: Конфигурации в вымышленном рассказе. – 224 с.

Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. – М.: Наука, 1975. – 232 с.

Суник О.П. Кур-урмийский диалект: исследования по нанайскому языку. – Л.: Госучпедиз Минпроса РСФСР, 1958. – 207 с.

Bruner J. Actual Minds, Possible Worlds. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1986. – 201 p.

References

Bruner J. Actual Minds, Possible Worlds. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1986. 201 p.

Riker P. Vremya i rasskaz. Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 1998. Vol. 1: Intriga i istoricheskii rasskaz. 314 p. (In Russ.).

Riker P. Vremya i rasskaz. Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 2000. Vol. 2: Konfiguratsii v vymyshlennom rasskaze. 224 p. (In Russ.).

Smolyak A.V. Etnicheskie protsessy u narodov Nizhnego Amura i Sakhalina. Moscow: Nauka, 1975. 232 p. (In Russ.).

Sunik O.P. Kur-urmiiskii dialekt: issledovaniya po nanaiskomu yazyku. Leningrad: Gosuchpediz Minprosa RUFSSR, 1958. 207 p. (In Russ.).

Мальцева О.В. <http://orcid.org/0000-0003-3694-7434>

Дата сдачи рукописи: 26.09.2024 г.